

УДК: 94

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-1

Даценко П. А.

**К вопросу о роли скорости дипломатической переписки
во внешнеполитическом планировании России
(на примере Ольмюцкого соглашения 1850 года)¹**

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Мароновский пер., д. 26, г. Москва, 119049, Россия; dacenko3322@mail.ru

Аннотация. К середине XIX века скорость обмена информацией стала ключевым фактором урегулирования международных кризисов. Особенно остро это проявилось в годы революции 1848–1849 гг., и пример австро-пруссского конфликта 1850 г. доказывает это со всей очевидностью. Для России, стремившейся играть роль посредника между враждующими державами, в силу географической удаленности было весьма затруднительно реагировать на стремительные изменения обстановки в силу отсутствия электрической телеграфной связи. Этот фактор применительно к роли России в германском военном кризисе осени 1850 г. рассматривался некоторыми зарубежными историками как аргумент о несостоительности влияния России, поскольку Николай I и его министры, оперируя уже устаревавшими на момент получения сведениями, не могли влиять на ход и итоги кризиса, а лишь реагировали на уже сложившуюся ситуацию. В то же время эта оценка опиралась на ограниченный круг опубликованных источников, дающих неполное представление об инструментах внешней политики России. В статье на архивном материале российских и иностранных дипломатических миссий, а также переписки Николая I, его министров и дипломатов предпринимается попытка более полно оценить степень информированности императора и МИД о реальной обстановке, а также выявить механизмы, позволявшие российской дипломатии преодолевать проблему географической удаленности.

Ключевые слова: дипломатия; Германия; Австрия; Пруссия; Николай I; К.В. Нессельроде; И.Ф. Паскевич

Для цитирования: Даценко, П. А. (2025), «К вопросу о роли скорости дипломатической переписки во внешнеполитическом планировании России (на примере Ольмюцкого соглашения 1850 года)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 134-142. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-1

¹ Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема FZNF-2023-0003 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории», номер темы 1022040800353-4-6.1.1;5.9.1).

P. A. Datsenko

The role of speed in diplomatic correspondence in Russia's foreign policy planning: The Olmütz Agreement of 1850²

State Academic University for the Humanities,
26 Maronovsky Ln., Moscow, 119049, Russia; dacenko3322@mail.ru

Abstract. By the middle of the 19th century, the speed of information exchange had become a key factor in resolving international crises. This became particularly evident during the 1848-1849 revolution, exemplified by the Austro-Prussian conflict of 1850. For Russia, seeking to mediate between the warring powers, its geographic remoteness made it extremely difficult to respond to rapidly changing circumstances due to the lack of electrical telegraph communication. This factor, when applied to Russia's role in the German military crisis of the autumn of 1850, was viewed by some foreign historians as an argument for the inadequacy of Russia's influence, since Nicholas I and his ministers, operating with information that was already outdated by the time they received it, were unable to influence the course and outcome of the crisis, but merely reacted to the situation as it had already developed. However, this assessment was based on a limited number of published sources, providing an incomplete picture of Russia's foreign policy instruments. This article, using archival material from Russian and foreign diplomatic missions, as well as the correspondence of Nicholas I, his ministers, and diplomats, attempts to more fully assess the extent to which the Emperor and the Ministry of Foreign Affairs were informed about the real situation, and to identify the mechanisms that allowed Russian diplomacy to overcome the problem of geographic distance.

Keywords: diplomacy; Germany; Austria; Prussia; Nicholas I; K.V. Nesselrode; I.F. Paskevich

For citation: Datsenko, P. A. (2025), "The role of speed in diplomatic correspondence in Russia's foreign policy planning: The Olmütz Agreement of 1850", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 134-142, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-1

В периоды международных кризисов одним из главных факторов их мирного и успешного разрешения была осведомленность руководства вовлеченных в конфликт стран, возможность в кратчайшие сроки получать последнюю информацию о переговорах и снабжать дипломатов соответствующими инструкциями без угрозы их составления на основе устаревших данных и усложнения таким образом работы дипломатов на местах. В XIX в. наиболее быстрым средством обеспечения такой связи стал электрический телеграф. Его роль особенно ярко проявилась во время германского кризиса осени 1850 г. и переговоров в Варшаве и Ольмюце, от исхода которых зависело урегулирование австро-пруссского конфликта и сохранение мира в Центральной Европе. В переговорах между австрийским министром-президентом князем Феликсом цу Шварценбергом и министром иностранных дел Пруссии бароном Отто фон Мантефелем своевременное получение австрийской стороной

² The article was prepared at the State Academic University for the Humanities as a part of the state project funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Project theme: FZNF-2023-0003 «Traditions and values of the society: mechanisms of formation and transformation in the context of global history», no. 1022040800353-4-6.1.1;5.9.1).

телеграфных сообщений из Берлина способствовало снижению уровня недоверия между двумя министрами и давало Шварценбергу достаточно информации о положении дел в Пруссии для того, чтобы убедиться в возможности мирного решения вопроса и резко изменить свою позицию к удивлению прусской стороны.

Иначе ситуация обстояла с третьей стороной переговоров в Варшаве и Ольмюце – Россией. В ее случае фактор географической удаленности Петербурга от германских столиц становился критическим – отсутствие телеграфа (электрического – до 1852 г., функционировал лишь оптический между Варшавой и Петербургом), недостаточная развитость железных дорог (на 1850 г. функционировала лишь Варшавско-Венская железная дорога) обуславливали значительный временной промежуток между отправкой дипломатических пакетов, их получением в Петербурге³, отправкой и получением ответа из МИДа. Осенью 1850 г. события развивались столь стремительно, что подобный срок никак не соответствовал темпам изменения обстановки, и многие депеши, приходившие из Петербурга, содержали разъяснения и инструкции по уже не актуальным поводам.

В 1950-е гг. на этот фактор обратили внимание историки. Иоахим Хоффман, подвергая в своей статье (Hoffmann, 1959) критике господствовавшую прежде историографическую версию о высокой роли России на переговорах в Ольмюце, прежде всего основывался на факторе отсутствия связи во время австро-пруссского осеннего кризиса 1850 г. Он писал: «В Петербурге в 1850 году не было ни прямой телеграфной, ни сплошной железнодорожной связи. Поэтому российскому руководству по причине времени было невозможно постоянно быть в курсе стремительно менявшейся в ноябре 1850 года ситуации. <...> Россия в реальности постоянно отставала от быстро сменявших друг друга событий» (Hoffmann, 1959: 62-64).

В контексте Ольмюцкого соглашения и его оценки в Петербурге этот фактор был особенно опасным. Ссылаясь на письмо канцлера К.В. Нессельроде российскому посланнику в Вене П.К. Мейендорфу от 11 декабря 1850 г. и на письма прусского военного атташе в Петербурге графа Хьюго цу Мюнстера от 4 и от 8 декабря 1850 г., Хоффман пришел к выводу, «что когда германские державы уже договорились в Ольмюце и для войны более не было оснований, царь все еще всерьез рассматривал вероятность войны с Пруссией» и поэтому продолжал движение своих войск к границе (Hoffmann, 1959: 64). Не зная о том, что конфликт уложен, Николай I вплоть до середины декабря продолжал рассматривать Пруссию как потенциального противника, следовавшего прежнему курсу на конфронтацию с Австрией в гессенском и шлезвиг-гольштейнском вопросах, и этим поддерживал военную и дипломатическую напряженность, которая могла в любой момент обернуться новыми осложнениями и свести на нет все договоренности.

Таким образом, в оценке Хоффмана позиция России в эти сложные недели конца ноября – начала декабря была не просто не умиротворяющая, но даже опасная, поддерживавшая уже ненужную военную эскалацию, и причиной этой опасности была неосведомленность императора и руководства МИД.

Поскольку трактовка Хоффмана основывалась преимущественно на опубликованных источниках (в основном, на сборниках писем и воспоминаний свидетелей) (Даценко, 2024: 188-189), вне ее внимания остался огромный пласт архивных документов, включавших помимо официальных дипломатических донесений обширную переписку российских и иностранных представителей, которая проходила не только между кабинетами Вены, Берлина и Петербурга, но и между многими дипломатами на местах, и которая содержала ряд деталей, позволяющих уточнить ситуацию и динамику ее развития в конце ноября – начале

³ В случае российских миссий в Австрии и Пруссии в ноябре-декабре 1850 г. средний срок доставки депеш составлял 6-8 дней.

декабря 1850 г. Не имея возможности обратиться к источникам и учесть эти детали, Хоффман дал во многих аспектах упрощенную оценку информированности и мотивов Николая I и его кабинета после Ольмюца.

Чтобы оценить, насколько географическая удаленность влияла на корректировку Николаем I своей политики в австро-пруссом кризисе и действительно ли после Ольмюцкого соглашения существовала угроза вторжения российских войск в Пруссию, необходимо прежде всего обратиться к архивным источникам, в том числе и к корреспонденции дипломатов, тем более, что она была опубликована далеко не полностью: например, в сборнике корреспонденции прусского посланника в Петербурге Теодора фон Рохова отсутствуют письма за 1848–1850 годы (Kelchner and Mendelson-Bartholdy, 1873: 339-340).

В частности, в статье Хоффмана приводятся сведения из опубликованной переписки прусского военного атташе графа Хьюго цу Мюнстера и генерала Эдвина фон Мантефеля, флигель-адъютанта прусского короля и двоюродного брата нового министра иностранных дел О. фон Мантефеля. В своих письмах Мюнстер дает обстоятельную и подробную аналитику настроений и действий царя и его окружения. Основываясь на содержании его письма от 8 декабря, комментирующего результаты Ольмюца, Хоффман определяет именно этот день как ориентировочный срок получения в Санкт-Петербурге новостей о переговорах. При обращении к дипломатической переписке из Канцелярии МИД, однако, видно, что это предположение не соответствует истине: депеши Мейендорфа с отчетом об Ольмюце были получены в Петербурге 4 декабря; благодаря, например, записям в дневнике императрицы можно сделать вывод, что в тот же день о них знал Николай I (Даценко, 2024: 189). При этом из письма Мюнстера от 4 декабря следует, что на тот момент он еще сам не знал о встрече в Ольмюце, сетя на то, что «лишь из русских депеш из Вены и Берлина мы здесь узнаем о ходе дел» (Münster, 1913: 19).

Получение донесений Мейендорфа в Петербурге именно 4 декабря было особенно своевременным, поскольку оно остановило отправку официального письма прусскому королю о намерениях России вступить в войну в случае дальнейшей несговорчивости Берлина⁴. Это письмо было утверждено Николаем и подготовлено к отправке 3 декабря, однако получение сведений из Ольмюца остановило его отправку практически в последний момент.

Подтвердить описанную Мюнстером напряженную и тревожную атмосферу в Петербурге в начале декабря 1850 г. и сообщить новые детали о настроениях Николая I в эти дни и его решимости решить кризис путем военного вторжения в Пруссию могут донесения баварского посланника графа О. фон Брай-Штейнбурга. В своем донесении от 10 декабря 1850 г. он характеризовал настроения императора и его окружения в отношении германского кризиса как «в высшей степени болезненные» и пришел к выводу, что Николай смирился с неизбежностью войны против Пруссии, ссылаясь на разговор Николая с шведским чрезвычайным посланником графом А.Ф.Н. Гильденстолпе: «Разве не жестоко со стороны короля Пруссии принуждать меня, его зятя и старого союзника идти на него войной? И все же это случится и даже раньше, чем можно подумать»⁵. Камнем преткновения Брай считал неуступчивость Пруссии в вопросе союзной экзекуции в Гольштейне, давая понять, что именно этот пункт был для Николая главным. Брай также упоминал о намерении послать в Берлин с последним предупреждением одного из высокопоставленных придворных чиновников (выбор был между шефом жандармов графом Орловым и генерал-адъютантом бароном В.К. Ливеном)⁶.

⁴ Черновик письма см.: АВПРИ. Ф. 133 «Канцелярия МИД». Оп. 469. 1850. Д. 111. Л. 319-322.

⁵ Bray an Pfördten, 10.12.1850 // BHStAM. Gesandtschaft St. Petersburg. 54. Bl. 530.

⁶ Ibid. Bl.530^r.

Получение известий об Ольмюцком соглашении и о его ратификации в Берлине вызвало, по словам Брая, всеобщее облегчение⁷, но донесения графа Мюнстера частично противоречили этому свидетельству. Мюнстер настаивал на том, что Николай предвзято и с огромным недоверием относился к прусскому королю и настолько не желал вступать с ним в корреспонденцию, что Мюнстеру даже пришлось взять на себя инициативу по составлению текста поздравительного письма от имени Николая (Münster, 1913: 173).

Фактор личного недоверия, на котором настаивал Мюнстер, однако, не был исчерпывающей причиной того, что позиция России не изменилась в одно мгновение. Сам Николай I объяснял это в письме наместнику Варшавы князю И.Ф. Паскевичу тем, что в отношении будущего еще остается много неопределенных моментов. Ему не внушали доверия ни предстоящая конференция германских министров в Дрездене, ни сохранявшая силу революционная риторика в прусском ландтаге⁸.

Фигура И.Ф. Паскевича в этой ситуации имела особое значение. Именно через Варшаву шла основная доля дипломатических пакетов, а учитывая весьма доверительные отношения Паскевича и Николая I, часть информации, поступавшая от российских миссий, направлялась непосредственно фельдмаршалу и отправлялась в Петербург лишь после его ознакомления с документами и в случае необходимости составления им сопроводительных писем и комментариев⁹. Фигура Паскевича в контексте кризиса 1850 г. важна еще и потому, что именно ему было поручено организовать выдвижение к границе с Пруссией российских войск и (в случае войны) руководить этими войсками.

Осведомленность Паскевича о ходе дел в Германии и взглядах на них в России тем самым была одним из важнейших элементов компенсации долгих расстояний и отсутствия телеграфной связи. Уже 30 ноября он получил от Мейендорфа депешу об Ольмюце (либо их копии) и в тот же день отправил Николаю об этом письмо, которое Николай, правда, получил позже, чем сами депеши¹⁰. В своем письме Мейендорфу от 1 декабря он благодарил посланника за разрешение ознакомиться с депешами, прежде чем отправить их дальше в Петербург¹¹. Тем самым Паскевичу как командующему войсками уже к 1 декабря была очевидна бессмыслица перехода границ после благоприятного поворота в австро-пруссском конфликте. Учитывая, что Паскевич был одним из наиболее доверенных лиц Николая, это понимание могло обезопасить Пруссию от реальной угрозы вторжения. Таким образом, отсутствие в Петербурге сведений из Ольмюца уже с 1-го (а не с 4-го) декабря не могло породить тех разрушительных последствий, о которых подозревал Хоффман, поскольку Паскевич был вполне самостоятелен, чтобы не допустить военных инцидентов до понимания в Петербурге реальной обстановки.

Письмо Паскевича было получено Николаем не позднее 6 декабря, поскольку 7 декабря он отправил ответ, в котором приказал в связи с Ольмюцким соглашением начать перевод войск на мирное положение. Это письмо, вероятно, было получено в Варшаве 13 декабря.

Таким образом, уже к 4 декабря в Петербурге знали о соглашении в Ольмюце, 7 декабря пришла депеша посланника в Берлине А.Ф. Будберга, подтверждавшая ратификацию

⁷ Ibid.

⁸ Николай I – И.Ф. Паскевичу, 1(13).12.1850 // РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 424. Л. 1.

⁹ В письмах Паскевича за эти дни часто присутствовали рассуждения политического и дипломатического характера, например о том, следует ли королю Пруссии распускать ландтаг. См.: И.Ф. Паскевич – Николаю I, 27.11(9.12).1850 // Там же. Оп. 6. Д. 346. Л. 1-1 об.

¹⁰ И.Ф. Паскевич – Николаю I, 18(30).11.1850 // Там же. Д. 344. Л. 1-1 об.

¹¹ И.Ф. Паскевич – П.К. Мейендорфу, 19.11(1.12).1850 // ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 704. Л. 33 об.–34.

соглашения прусским королем¹², и в этот же день Николай отдал распоряжение Паскевичу отменить военные приготовления¹³.

Тем более странным представлялось очевидцам событий, что даже после 7 декабря российским войскам не был дан приказ повернуть обратно. Мюнстер в своем письме от 8 декабря описывал угрозу войны с Пруссией как все еще актуальную, видя ее причину в ненависти Николая к Пруссии и в трудности его переубедить в этих мыслях.

Находившийся в Варшаве в эти дни британский консул генерал-майор Густав дю Плат 15 декабря (спустя целую неделю после того, как войска, казалось, должны были остановиться) докладывал премьер-министру лорду Пальмерстону, что вопреки ожиданиям после Ольмюца концентрация российских сил в Польше не только не уменьшилась, но и наоборот, нарастала с каждым днем (Schiemann, 1919: 413-414). В то же время, по свидетельствам дю Плата, «все офицеры высшего ранга, с которыми я имел возможность обсудить этот вопрос, полагают более вероятным, что текущие военные приготовления идут с целью помочь королю Пруссии в случае восстаний среди его подданных, а не намерения действовать против этой страны в поддержку претензий Австрии» (Schiemann, 1919: 415).

Причина этой аномалии, с одной стороны, может быть объяснена именно задержкой корреспонденции: в Петербурге не спешили, ожидали результатов обсуждения Ольмюцкого соглашения в прусском ландтаге (эта информация поступила как раз около 10 декабря) и первых подтверждений выполнения Берлином взятых на себя обязательств (примерно в те же дни). Однако в военно-дипломатических кругах в те дни возникали и иные версии причин, почему Николай не менял свой курс и не считал вопрос войны закрытым. Их можно выделить три.

Первую описывал Мейендорф в своей депеше от 4 декабря¹⁴. В ней он обращал внимание на опасения Австрии, что Пруссия лишь оттягивает время и все еще готовится к войне.

Вторая возможная причина заключалась в том, что из-за неустойчивости и внутренней оппозиции кабинету Мантефеля в Пруссии существует потребность вмешательства России в случае, если в Пруссии начнется восстание или случатся внутренние беспорядки. Это мнение, распространенное среди генералитета в Варшаве, приводил дю Плат в письме от 15 декабря.

И наконец, еще одной причиной могло быть ожидание российским кабинетом, как поведет себя Пруссия в ходе урегулирования кризиса в Шлезвиг-Гольштейне, в котором она прежде проявляла лояльность к мятежным герцогствам и препятствовала проходу к ним войск Германского союза. Этот мотив был основным в депешах канцлера Нессельроде Мейендорфу от 11 декабря (Даценко, 2024: 195-196).

Не менее трудным обстоятельством было то, что все эти дни Пруссия почти не имела связи с Петербургом и не могла знать, какие из этих мотивов были реальными, а какие – гипотетическими. Полноценная официальная реакция Петербурга (примирительные и поздравительные письма Николая прусскому королю и австрийскому императору и соответствующие разъяснения канцлера Нессельроде посланникам в Берлине и в Вене) были отправлены лишь 11-12 декабря (получены в Берлине они были, соответственно, ориентировочно 18-19 декабря). Таким образом, между заключением соглашения и выяснением в Берлине намерений Николая и причин концентрации его армий прошло более трех недель реального времени.

¹² А.Ф. Будберг – К.В. Нессельроде, 19.11(1.12).1850 // АВПРИ. Ф. 133 «Канцелярия МИД». Оп. 469. 1850. Д. 15. Л. 130-134.

¹³ 7 декабря Николай I писал Паскевичу: «сегодня утром наконец узнали мы, что конвенция королем (Пруссии. – П.Д.) утверждена <...> и потому можем несколько приостановиться». См.: Николай I – И.Ф. Паскевичу, 25.11(07.12).1850 // РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 423. Л. 1.

¹⁴ П.К. Мейендорф – К.В. Нессельроде, 22.11(4.12).1850 // АВПРИ. Ф.133 «Канцелярия МИД». Оп. 469. 1850. Д. 136. Л. 432-434.

В то же время есть свидетельства, что на тот момент в Пруссии движение российских войск на запад уже не воспринималось как реальная угроза. В депеше Т. фон Рохову от 9 декабря О. фон Мантеффель писал: «Королевский кабинет прекрасно осознает, что эти передвижения войск были вызваны обстановкой накануне совещания в Ольмюце и что в силу расстояний их пока не удается отозвать. Но нельзя сказать того же о плохо информированной и впечатлительной публике, которая, основываясь на запоздалых и нередко злонамеренно толкуемых сведениях, видит в передвижениях русских армий несомненные признаки враждебных планов против Пруссии и всей Германии»¹⁵. В связи с этим Мантеффель поручил Рохову просить императорский кабинет по возможности раньше сделать официальное сообщение об остановке армии¹⁶.

Определенную ясность в этот вопрос внес Нессельроде в депеше Будбергу от 26 декабря. В ней, посвященной вопросу пребывания российской армии у прусской границы, он подтвердил получение уже упоминавшейся выше депеши Мантеффеля от 9 декабря и сообщил, что Николай остановил войска, как только узнал об Ольмюцком соглашении, а причиной продолжения военных приготовлений была необходимость оставить войска там, где они расположены, «чтобы иметь возможность при необходимости иметь реальный вес в балансе дел в Европе», что в принципе объединяет все вышеперечисленные версии. Это умонастроение царя подтверждается и его опасениями в исходе начавшейся в декабре конференции в Дрездене, которая в случае неудачи могла также привести к войне в Германии¹⁷. Смысл формулировки «реальный вес в балансе дел в Европе» становится более понятен при обращении к более раннему письму Нессельроде Будбергу от 20 декабря. В нем он, также комментируя просьбу Мантеффеля об отводе войск от западных границ, ссылается на незавершенность гольштейнского вопроса и выражает мнение, что «пока датский вопрос не разрешится, мне не кажется плохим, если мы еще немного останемся вооруженными на границе Пруссии»¹⁸. Нахождение русских армий на границе Пруссии тем самым было, по мысли Нессельроде, дополнительной гарантией того, что Берлин более не окажет поддержку восставшим герцогствам.

Таким образом, можно полагать, что реальная угроза вторжения российских армий в Пруссию была неактуальна уже с 4 декабря, и временной разрыв в 5 дней не был столь критичным для развития ситуации. Например, в гораздо более близком Дрездене реакция на соглашение в Ольмюце прозвучала лишь 3 декабря (Rumpler, 1972: 316). Дальнейшие военные приготовления России, несмотря на опасения британских и прусских военных атташе, не являлись следствием политики инерции или предрассудков Николая, вызванных его дезинформированностью, но были его намеренным шагом, чтобы обеспечить выполнение соглашения и не допустить новых революционных взрывов в Германии.

Фактор задержек в доставке депеш, отсутствия телеграфной связи и прочего, таким образом, компенсировался, прежде всего, личным авторитетом дипломатов (Будберг, Мейендорф) и высоким доверием Николая к людям, занимавшим ключевые посты в западных губерниях (Паскевич). Отсутствие телеграфа в этом плане не было ключевым фактором, но его необходимость в будущем была наглядно продемонстрирована кризисом 1850 года.

Источники

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), Ф. 133 «Канцелярия МИД».
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Ф. 573 «Мейендорфы».

¹⁵ Manteuffel an Rochow, 9.12.1850 // Там же. Д. 111. Л. 26.

¹⁶ Согласно пометке на обложке депеши, Рохов передал ее копию Нессельроде на следующий день 10 декабря. См.: Там же. Л. 24.

¹⁷ Николай I – И.Ф. Паскевичу, 1(13).12.1850 // РГИА. Ф. 1018. Оп. 5. Д. 424. Л. 1.

¹⁸ К.В. Нессельроде – А.Ф. Будбергу, 8(20).12.1850 // РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 116. Л. 5-5 об.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Ф. 3 «Дела, относящиеся до внутренней и внешней политики России».

Российский государственный исторический архив (РГИА), Ф. 1018 «И.Ф. Паскевич-Эриванский».

Bayerisches Hauptstaatsarchiv München (BayHStA), Gesandtschaft St. Petersburg. № 54. Politische Korrespondenzen 1850.

Briefe des königlich Preußischen Generals und Gesandten Theodor Heinrich Rochus von Rochow an einen Staatsbeamten (1873), Hrsg. von E. Kelchner, K. Mendelson-Bartholdy, Sauerländer, Frankfurt-am-Main.

Politische Briefe des Grafen Hugo zu Münster an Edwin v. Manteuffel aus den Jahren 1850 bis 1852 (1913), *Deutsche Revue*, 38(1), 9-25, 172-193, 297-308.

Литература

Даценко, П. А. (2024), «К вопросу о роли российской дипломатии в урегулировании германского кризиса 1850 года. Переписка П.К. Мейендорфа с МИД об Ольмюцком соглашении 29 ноября 1850 года», *Новая и новейшая история*, 4, 186-197. DOI: 10.31857/S0130386424040145; EDN: GVVQSL

Schiemann, T. (1919), *Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Bd. 4. Kaiser Nikolaus vom Höhepunkt seiner Macht bis zum Zusammenbruch im Krimkriege 1840–1855*, de Gruyter, Berlin; Leipzig.

Hoffmann, J. (1959), “Rußland und die Olmützer Punktation vom 29 November 1850”, *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, 7, 59-71.

Rumpler, H. (1972), *Die deutsche Politik des Freiherrn von Beust 1848–1850. Zur Problematik mittelstaatlicher Reformpolitik im Zeitalter der Paulskirche*, Böhlau, Wien.

Sources

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI), F. 133 “The Chancellery of the Ministry of Foreign Affairs”.

State Archive of the Russian Federation (GARF), F. 573 “The Meyendorff family”.

Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA), F. 3 “Acts concerning domestic and foreign policy of Russia”.

Russian State Historical Archive (RGIA), F. 1018 “I.F. Paskevich-Erivansky”.

Bayerisches Hauptstaatsarchiv München [Main Bavarian State Archive in Munich], “Legation St. Petersburg. No. 54. Political correspondence”.

Kelchner, E. and Mendelson-Bartholdy, K. (eds) (1873) *Briefe des königlich Preußischen Generals und Gesandten Theodor Heinrich Rochus von Rochow an einen Staatsbeamten* [Letters of the Prussian General and Envoy Theodor Heinrich Rochus von Rochow to a state official], Sauerländer, Frankfurt-am-Main, Germany (in Germ.).

Münster, H. (1913), “Political Lettres of Count Hugo zu Münster to Edwin von Manteuffel in the years 1850 to 1852”, *Deutsche Revue* [German Review], 38, 1, 9-25, 172-193, 297-308 (in Germ.).

References

Datsenko, P. A. (2024), “On the Role of Russian Diplomacy in Resolving the Autumn Crisis of 1850: Diplomatic Correspondence between Peter von Meyendorff and the Ministry of Foreign Affairs on the Punctuation of Olmütz, 29 November 1850”, *Modern and Contemporary History*, 4, 186-197 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0130386424040145; EDN: GVVQSL

Rumpler, H. (1972), *Die deutsche Politik des Freiherrn von Beust 1848–1850. Zur Problematik mittelstaatlicher Reformpolitik im Zeitalter der Paulskirche* [Baron von Beust's German policy 1848-1850. On the problem of reform policy of the middle states in the years of St Paul's Church], Böhlau, Vienna, Austria (in Germ.).

Schiemann, T. (1919), *Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Bd. 4. Kaiser Nikolaus vom Höhepunkt seiner Macht bis zum Zusammenbruch im Krimkriege 1840–1855* [History of Russia under the Emperor Nicholas I. Vol. 4. Emperor Nicholas from the height of his power to his collapse in the Crimean War 1840–1855], de Gruyter, Berlin-Leipzig (in Germ.).

Hoffmann, J. (1959), “Russia and the Punctuation of Olmütz of 29 November 1850”, *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* [Research on the History of the Eastern Europe], 7, 59-71 (in Germ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Даценко Павел Александрович, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета, Государственный академический университет гуманитарных наук, Мароновский пер., д. 26, г. Москва, 119049, Россия; dacenko3322@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Pavel A. Datsenko, PhD in History, Assistant Professor, Faculty of History, State Academic University for the Humanities, 26 Maronovsky Ln., Moscow, 119049, Russia; dacenko3322@mail.ru